

Завадовскій пишетъ: „Весьма истинно, что благость сердца неизреченная и добрая воля наравнѣ съ оною, но способны ли окружающіе духи обратить направленіе оныхъ въ дѣйствительную пользу? А къ вліяніямъ не заперта дверь! Можетъ быть, время и опытность переработаютъ колеблемость на твердость; онъ столько миль и дорогъ для общаго блага, что отъ всей души желаю сего“. Говоря, однако, о дѣйствіяхъ разныхъ сановниковъ, подвергая строгой критикѣ разные правительственныя распоряженія, Завадовскій, какъ видно, не совсѣмъ былъ доволенъ системою управленія. Мы знаемъ изъ писемъ Семена Романовича къ брату и къ другимъ лицамъ, какъ сильно русскій дипломатъ въ Англіи нападалъ на образъ дѣйствій нѣкоторыхъ лицъ, окружавшихъ государя. Есть основаніе думать, что главнымъ источникомъ свѣдѣній Семена Романовича были письма Завадовскаго, которыя дѣйствительно заключаютъ въ себѣ множество данныхъ для исторіи перваго времени царствованія императора Александра I.

Что касается до отзывовъ Завадовскаго о другихъ лицахъ, то особеннаго вниманія заслуживаютъ его замѣчанія, относящіяся къ Румянцову, Безбородкѣ и Потемкину.

Завадовскій и С. Р. Воронцовъ во время первой турецкой войны были подчиненными фельдмаршала Румянцова. Оба они питали глубокую привязанность къ знаменитому военачальнику. Его судьба постоянно занимала и Завадовскаго, и Воронцова. Благодаря вліянію Потемкина, положеніе Румянцова во второй половинѣ царствованія Екатерины сдѣлалось чрезвычайно неловкимъ. Впрочемъ Румянцовъ въ 1776 году въ отношеніи къ императрицѣ поступалъ нѣсколько гордо и упрямо, чѣмъ даже вызвалъ нѣкоторыя рѣзкія выраженія въ письмѣ Завадовскаго къ Воронцову. За то немногимъ позже, въ 1777 году, Завадовскій жаловался на неблагодарность императрицы въ отношеніи съ Румянцову, котораго онъ при этомъ случаѣ называетъ благодѣтелемъ рода человѣческаго. Не безъ горечи и раздраженія Завадовскій затѣмъ, въ 1789 году, сообщалъ Семену Романовичу разные подробности о той жалкой роли, которую заставляли Румянцова играть во время второй турецкой войны. Описывая соперничество Потемкина и Румянцова, Завадовскій замѣчаетъ: „И такъ, мой другъ, видимъ въ наши времена состарѣвшагося Помпея и торжествующаго надъ нимъ Цесаря, исключая, что не въ республикѣ и не по одинакимъ предметамъ идутъ вещи. Видимъ руссійскаго Сципіона, загнаннаго въ деревню на смерть.